

— Ты и впрямь смерти не боишься.

Лингуан стоял на холодном полу босиком. Наклонившись, он подобрал Фонарь призыва душ. В его ладонях старинный бронзовый светильник ожил, затрепетал ярким, подвижным пламенем, а его призрачный ореол замерцал, точно рой искр в ночи.

Он держал фонарь, и теплые блики ложились на его лицо. Красивые алые глаза Лингуана, ясные и холодные, уставились на Е Линя с легкой, колючей усмешкой.

— Раз уж родился на свет, изволь ценить свою жизнь. Будь ты человек, яо или призрак — оставаться живым куда важнее всего остального, — Лингуан опустил взгляд. Его нога с нескрываемым презрением опустилась на грудь Е Линя, придавливая его к месту. Взор алых глаз был острым и ледяным, словно он смотрел на жалкое насекомое. — Терпеть не могу тех, кто сам ищет смерти. Глупее всего — так легко разбрасываться собственной жизнью ради кого-то другого!

К несчастью, именно такие идиоты постоянно попадались ему на пути.

Лингуан надавил сильнее. Е Линь глухо застонал и откинулся назад, на спинку дивана.

Запрокинув голову, Е Линь тяжело, прерывисто задышал. Теперь, когда духовная связь, вытягиваемая бронзовым призывателем душ, наконец разорвалась, он будто очнулся от кошмара. С его губ слетел хриплый, удушливый выдох. Он полулежал на диване, мокрый от холодного пота; свободный, сбившийся воротник рубахи приоткрывал крепкую грудь.

Е Линь скользнул взглядом вверх — от белой босой ступни, упиравшейся ему в ребра. Из такого положения он отчетливо видел оставленный им же укус. Слишком короткие шорты почти ничего не скрывали, тщетно прячась под широким подолом просторного одеяния.

Оправдываться перед Лингуаном он и не думал. Все его внимание поглотил покрасневший от чужой хватки голеностоп — кожа там горела ярким, почти румяным цветом.

Он неосознанно протянул руку и обхватил эту изящную лодыжку. Поглаживая нежную кожу, Е Линь поднял глаза. В них сквозило искреннее недоумение.

— Я не умру, — негромко произнес он.

«Почему он так злится?»

Алые глаза, которые Е Линь успел полюбить больше всего на свете, сейчас полыхали яростным, чистым пламенем. В них отчетливо отражался его собственный силуэт. Лингуан в этом гневном, ослепительно красивом.

В голове Е Линя внезапно вспыхнула шальная мысль.

«Хочу рассмотреть их поближе. Хочу, чтобы эти глаза смотрели только на меня»

Но знал ли Е Линь, что такое любовь и привязанность? С самого рождения сердце в его груди оставалось мертвым и неподвижным.

А теперь этот бесполезный кусок плоти вдруг ожил. Он глухо, тяжело забился.

Тук.

Тук.

Подобный ответ, разумеется, лишь подлил масла в огонь. Разозлившись еще сильнее, Лингуан с силой надавил ногой на грудь Е Линя, выплескивая раздражение. Конечно, этот толчок не шел ни в какое сравнение с тем ударом, которым он недавно переломал ему три ребра.

Вот только Е Линь все еще крепко держал его за лодыжку.

Сколько бы Лингуан ни брыкался, высвободить ногу из железной хватки не получалось.

Да Е Линь и не собирался его отпускать. Резким рывком он потянул Лингуана на себя, и рассерженная огненная птица кубарем полетела прямо к нему в объятия. Перехватив его за бедро, Е Линь одним слитным движением перевернулся, мгновенно меняя их положение на противоположное.

Он прижал Лингуана к дивану, нависнув сверху. Его взгляд, темный, собственнический и хищный, заскользил по лицу застигнутой врасплох добычи.

— Я ведь помогаю тебе, — все так же медленно, с легким недоумением протянул Е Линь. — Почему ты недоволен?

«Я думал, ты обрадуешься»

Е Линь нахмурился, вновь уязвленный нахлынувшей заботой.

«Опять злится. Какой же у него тяжелый характер»

Раздался голос Системы:

[.....О, мой великий господин, а допускаете ли вы вероятность, что этот абориген просто за вас переживает?]

Как бы Системе ни хотелось этого признавать, но капризный местный житель, похоже, действительно проявлял заботу. Ну, или что-то очень на нее похожее.

Наверное, именно поэтому ее великого хозяина сейчас так нещадно колотили.

Услышав этот нелепый вопрос, Лингуан окончательно вышел из себя. Мало того что этот упрямец ни черта не соображал, так еще и смел упрекать его в капризах!

Гнев заклокотал в нем с новой силой. Терпеть это не было никакой возможности — чем больше Лингуан думал, тем сильнее закипал. Позабыв, что он зажат под тяжелым мужским телом, он отчаянно забился, пытаясь избить наглеца всеми правдами и неправдами.

Вцепившись врагу в плечи, он резко выбросил колено вперед, одновременно нанося удар локтем снизу вверх и силясь выпутать ноги.

Но Е Линь хладнокровно блокировал каждый выпад. Одной рукой он прижал к дивану колено Лингуана, другой — перехватил летящий в лицо локоть. Подавшись вперед, он навалился всем весом, блокируя его бедра, и припечатал тонкие запястья птицы над его головой.

Кожа под его пальцами была невероятно нежной и шелковистой. Сглотнув, Е Линь заговорил еще тише, и его голос сорвался на хрип:

— Ты беспокоишься обо мне?

Он все-таки принял к сведению слова Системы.

— Не хочешь, чтобы я умер?

Лингуан, зажатый намертво, лишь яростно выплюнул в ответ:

— Разумеется! Если ты сдохнешь, кто будет выполнять мою работу?!

Конечно, в этих словах, сказанных в запале гнева, правдой была едва ли половина. Но то, что Лингуан искренне не желал его гибели, оставалось неоспоримым фактом.

Е Линь же, как всегда, вычленил из чужой тирады только то, что ему понравилось. Его темные глаза смотрели серьезно и сосредоточенно. Немного подумав, он потянул связанную руку Лингуана вверх и прижал ладонь к собственному лбу.

— Мой кристалл перехода... хочешь его?

Никого и никогда не заботила жизнь Владыки зомби. Для подавляющего большинства участников Апокалиптической королевской битвы он был лишь финальным Боссом, источником бесценного ядра. Все они приходили только ради его кристалла.

А Лингуан боялся, что он умрет? Но ведь он бессмертен.

Лингуану нужны его силы. Возможно, ему нужно и его ядро.

Стоит простить Е Линю эту глупость — он изо всех сил пытался сообразить, как правильно реагировать на проявление заботы.

Просто он был чертовски, до безумия рад. Пусть даже его неживое сердце, бешено колотившееся в груди, пока не могло подсказать ему название этой эмоции.

— Наверное, он не слишком красивый, — Е Линь всерьез задумался о том, как выглядит его кристалл перехода. Наверное, чистый и белый, как матовое стекло?

Но Лингуану, должно быть, больше по душе красный.

Или зеленый?

«Лингуану так идет этот зеленый свитер. Особенно когда он совсем без штанов. Очень красиво»

Эти мысли, прозвучавшие в чужом разуме, эхом отозвались в сознании Лингуана. Образ бесстыдника без штанов привел его в куда большее бешенство, чем любые разговоры о кристаллах. Он со скрежетом сжал зубы.

— Сам ты без штанов ходишь! — яростно взвыл он, дернувшись всем телом, но так и не сумев скинуть с себя тяжелого мужчину.

Е Линь озадаченно моргнул. Прямо перед его глазами Лингуан упрямо задрал подол просторного свитера, демонстрируя черные кожаные шорты, едва прикрывавшие верхнюю треть его бедер.

— Видишь?! Шорты! Кто тут без штанов?!

Он вовсе не эксгибиционист какой-то!

Пытаясь спасти остатки своей репутации, взъерошенный Лингуан вцепился Е Линю в волосы и яростно ткнул пальцем в край шорт.

— Думаешь, все вокруг такие же извращенцы, как ты?! Вечно норовишь цапнуть! Псих с извращенным аппетитом!

Е Линь на секунду замешкался, а затем покладисто согласился:

— Да, я извращенец.

С этими словами он бесцеремонно приподнял стройную ногу Лингуана, склонился и вонзил зубы в нежную, белую кожу на внутренней стороне бедра.

Он укусил слишком сильно. На безупречно гладкой, как белый нефрит, коже выступили алые капли крови, выглядевшие пугающе и контрастно.

Лингуан закусил губу, но все же не сдержал сдавленного, жалобного стона, похожего на мяуканье котенка.

Испугавшись содеянного, Е Линь торопливо принялся зализывать ранку, пытаясь унять боль.

— Я извращенец, — пробормотал он, послушно повторяя обвинения Лингуана.

А затем совершенно искренне спросил:

— Можно мне укусить еще разок?

— Я отдам тебе свой кристалл в обмен.

Ответом ему стал град беспощадных ударов — Лингуан окончательно потерял терпение.

Сжав кулаки, он высвободил свою божественную волю. Словно лава при извержении вулкана, она мгновенно заполнила всю комнату и привычным маршрутом ворвалась в разум Е Линя, яростно хлеща по его сознанию ментальными плетями.

Хватка Е Линя ослабла. Лингуан тут же взлетел с дивана и замелькал размытой тенью, обрушивая на него всю свою ярость. Е Линь послушно терпел, лишь крепко обнимал его за талию и не издавал ни звука, лишь изредка глухо стонал от обжигающих ударов божественного пламени, да то и дело тянулся ладонью к искусанному бедру.

Чем настойчивее он тянулся к ноге, тем сильнее закипал Лингуан. Он с силой шлепнул его по

ладони:

— Убери грабли! Кто тебе разрешил лапать?! У тебя что, своей жены нет?! Чужих жен намылился щупать?!

Злился он не на шутку.

Но выглядел при этом невероятно мило.

Е Линь снизу вверх смотрел на раскрасневшегося Лингуана. Его роскошные алые волосы были растрепаны, пряди торчали в разные стороны — живое воплощение взъерошенного кота, которого долго и нещадно тискали. Все это было результатом их недавней возни на диване.

Е Линь потянулся было пригладить эти чудесные волосы, но тут же получил по рукам и удостоился испепеляющего взгляда.

Ему ничего не оставалось, кроме как покорно сносить побои, не смея ответить ни словом, ни делом, и лишь крепче сжимать объятия на его талии с самым сиротливым видом.

Выпустив пар, Лингуан посмотрел на эту непрошибаемую физиономию, и его злость вспыхнула с новой силой. Рядом с ним этот тип вел себя так, словно Лингуан был капризным ребенком, чьи капризы великодушно прощают.

Он резко откинул растрепавшиеся волосы со лба и в сердцах выругался:

— Идиот! Извращенец! Псих недоделанный!

— Бешеная псина!

Схватив валявшийся на полу Фонарь призыва душ, он развернулся и зашагал прочь, даже не взглянув на брошенную в спешке накидку.

Лингуан действительно был вне себя от ярости.

Ну как земля носит подобных людей? Ни побить его толком, ни докричаться до глухого разума.

Просто бешеная собака! Озабоченный придурок!